

Предисловие

От огромной свечи прошлого
мы все должны зажечь наши
маленькие светильники.

*У. Б. Йейтс*¹

В ХХI в. кельты стали гораздо ближе русскому читателю и почитателю. В России стало больше кельтской музыки, танцев, фестивалей, украшений, каллиграфии – и гораздо больше интересной литературы. Сегодня мы можем прочесть в хорошем русском переводе саги и жития, исследования зарубежных авторов, увидеть прекрасные высококачественные скан-копии ирландских рукописей и фотографии шедевров кельтского церковного искусства, которыми делятся с нами посредством мировой сети хранящие их библиотеки и музеи.

В 90-е гг. ХХ в. шоу «Риверданс» потрясло мир оригинальностью ирландских танцев,

¹ *Yeats W. B. Selected Criticism and Prose. London : Macmillan, 1964. P. 20. Цит. по: Горбунов А. Н. Последний романтик. Поэзия У. Б. Йейтса. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 43.*

затронув тему связей кельтской культуры с традициями других народностей. Ярко прозвучала тема Ирландии в кинематографе с выходом мультфильмов Томаса Мура «Секрет аббатства Келлс» и «Песня моря». Захватив воображение детей и взрослых в России, они породили и множество вопросов. Конечно, неудивительно, что Мур выбрал для своих произведений важнейшие и прекраснейшие темы: мир кельтского монастыря и миниатюры и волшебный Другой Мир, предстающий очень уж реальным и обыденным, и оттого неотразимым.

Другой Мир кельтов так завораживает, что для русского читателя именно он выходит по большей части на первый план, а вот образ ирландского монастыря немногим кажется малящим и любопытным. Да и в целом, согласимся, большинству современных зрителей и читателей, даже христиан, древний монастырь — хоть ирландский, хоть французский, хоть русский — не представляется чем-то увлекательным. И вот здесь я скажу: «Напрасно!»

Пусть это не прозвучит слишком пафосно или смешно, но мир древнего монастыря именно кельтских стран — это фантастика, это космос, это большой мир. Здесь сходились все: король и простолюдин, поэт и нищий, искусство и быт, ремесло и битва, язычество и христианство, Евангелие и саги. Наследие мира европейских

монастырей — это вся наша европейская цивилизация, это все, что основано на знаниях, умениях, добродетелях и труде, взращенных в стенах обитателей. Но что еще трогательнее и торжественнее: монастыри — это мир отношений разных людей, открывающийся нам в хрониках, легендах и житиях, это живые лица и живая вера.

Так и Брендан, герой истории «Секрет аббатства Келлс», — это не досадный и непонятный фон для волшебных и трагических событий (кому сейчас может показаться героичным посвятить жизнь пребыванию в молитве, изгнании и рисовании бесчисленных завитков на пергаменте?). Но именно этот персонаж — средневековый монах — и является точкой, в которой может сходиться все и в которой все оборачивается из тьмы к свету. Потому что таков был мир кельтского монастыря.

В мире, я уверена, есть истины и традиции, ценность которых не иссякает, какие бы ни наступили времена. Более того, в те моменты истории, когда эти ценности кажутся наименее актуальными, они нужнее всего. Именно поэтому вы держите в руках эту книгу. В ней — не просто исследование неких аспектов кельтской культуры, в ней — мир людей, превративших тьму в свет своими слабыми и обычными, в общем-то, человеческими силами. Это была сила их душ,

их молитв, их повседневного малого труда, наконец, их родства и дружбы, а не сила магии, богатств или армий. Это была та сила, которая есть у каждого, благодаря ей каждый может сделать свой шаг к истине, чистоте, справедливости, красоте, переменяя этим весь мир.

Для христианина-католика, коим является автор, кельтское христианство — одно из сокровищ истории церкви, раскрывающее и ценность культурной традиции, и витиеватые узоры взаимосвязей дохристианского и христианского мира, и великую силу веры, и то, как тяжелые заблуждения отдельных людей ломают целые цивилизации.

Язычество и христианство обычно представляют просто противоборствующими сторонами. Если же христианство выстраивается на культурной почве христианизированного народа, то это часто представляется (стороной с языческими или атеистическими взглядами) как внутреннее поражение христианства. Современные католики и православные переживают кризисы «личного протестантизма», встречаясь с языческими символами. Им кажется, что здесь какой-то подвох: что по-настоящему в Средние века царило многобожие и суеверие, прикрытое лишь легкой вуалью апостольских слов. Но не стоит так думать — откройте те жития, уставы и документы, на которые ссылаются

ученые-кельтологи, загляните в Средневековый мир не через тусклое стекло, и вы увидите настоящую веру, а вовсе никакие не конспирологические игры и закодированные тайные общества.

В наше время мы редко можем встретить восприятие истории через библейскую призму или через подлинное отношение церкви к сокровищнице этнических культур. В данной работе мы попытаемся осуществить именно этот подход — взглянуть на языческий и христианский мир как на ступени лестницы, этапы взросления человечества. Мы просто не должны путать религию и мифологию, ритуал и обрядоверие и разобраться, почему плавное перетекание культурно-ритуальных элементов из языческого мировоззрения в христианское вовсе не противоречит догматам и достоинству апостольской веры и не является внутренним поражением христианства перед неистребимыми суевериями.

В этой книге достаточно много внимания уделено описанию служения святых, однако я не ставила себе задачу создать сборник жизнеописаний — возможно, это еще впереди. Но мне бы хотелось, чтобы этот мой труд был приглашением читать жития и как исторические и культорологические источники, и как духовные наставления.

Источники и проблема их достоверности

Какими источниками мы располагаем для того, чтобы описать общество, культуру и веру раннесредневековой Ирландии? Письменный мир христианской Ирландии достаточно богат, но большинство источников относятся к VII в. и позже, и это период, который самими авторами ощущается как время отхождения от исконных идеалов ранней Ирландской церкви. Ощущение перемен и ослабления традиций и заставляло монахов садиться за перо. Мы не будем перечислять все источники по названиям, просто укажем, что для изучаемой темы они разнообразны: здесь и исторические хроники, и юридические документы, трактаты, сборники, и тексты о легендарной топографии — «старины мест» — и генеалогии, а также мифы и предания, жития, собственные сочинения святых — письма, поэмы, стихи, молитвы.

Часто упоминаемой проблемой, связанной с источниками раннесредневековой Ирландии

является то, что предания, на которые мы опираемся, были отделены от описываемых в них событий или от эпохи, к которой они принадлежат, значительным промежутком времени. Какие-то источники дошли до нас только в копиях спустя много веков после создания оригинала. Так, сказания о Древней Ирландии и мифы были зафиксированы уже после христианизации людьми, которые уже (больше) не исповедовали языческую веру и могли намеренно корректировать информацию, которую получили изустно. Жития святых, на трудах которых была построена Ирландская церковь, в большом количестве случаев были записаны на несколько веков позже того времени, когда жили описываемые святые. Конечно же, это заставляет исследователя отметить, что достоверность многих сведений находится под вопросом.

Очень многие свидетельства о тех святых и исторических деятелях, которые создали Ирландскую церковь, на протяжении нескольких веков передавались исключительно устно. Хроники тех времен содержат очень краткие сведения, не сравнимые с легендами. Жития св. Патрика, Колума Килле и других были записаны не их друзьями или учениками, а более поздними последователями. Еще одной проблемой является существование житийных шаблонов. Биографии святых создавались

по определенной схеме, и это тоже порой становится причиной, по которой мы сомневаемся в достоверности этих свидетельств. В конечном итоге некоторые критики заходят так далеко, что начинают отрицать историчность самих святых, считая их вымышленными персонажами.

На основании этих сложностей историки подвергают сомнению многие свидетельства о биографиях святых и чудесах. Информация о церкви в раннесредневековой Ирландии между тем в значительной мере состоит из житий и преданий, поэтому именно на них нам приходится опираться. В данной книге хотелось бы встать на защиту легендарных сведений.

Основным способом сохранения информации у раннесредневековых кельтов была устная передача, подразумевавшая точное заучивание предания. Традиции обучения «филидов и друидов» с приходом христианства не исчезли и стали основой сохранения уже житий и поучений. Поэтому нельзя предположить, что устные предания подвергались серьезному искажению. В целом, совершенно неудивительно, что жития стали записывать только после VIII в., так как для кельтов письменное фиксирование не представлялось чем-то необходимым и не виделось способом именно сохранения. Напротив, ряд исследователей полагают, что традиция записывания именно преданий могла встретить

сопротивление, так как только устная передача считалась правильной.

Также важна разница между народным преданием и преданием «специалистами». Устная житийная традиция формировалась и сохранялась в монастырях. При народной передаче истории действительно приобретают все новые и новые черты, их форма и содержание зависят от каждого нового рассказчика. Монашествующие «историки» имели больше мотивов сохранять точность и не дополнять истории выдумками, так как это обесценивает поучительность, превращая информацию духовного содержания в развлечение.

Наличие агиографических шаблонов вовсе не означает, что новое житие создается путем простой подстановки нового имени в имеющуюся схему. Можно заметить, что истории о святых совершенно различны. При сравнении большого количества жизнеописаний не возникает ощущения конструирования их по заданной схеме. С другой стороны, сама схема тоже происходит из устной традиции, она облегчает запоминание, и само ее наличие является дополнительной защитой от искажений.

Мы не должны упускать из внимания и перекрестные упоминания святых — в анналах, житиях других святых. Жизни этих святых происходили не в каком-то вакууме; мы видим

обычную социальную систему самых разных связей — родственных, иерархических. Между проповедниками возникают отношения — и дружба, и противостояния. Становится понятно, что перед нами не иконы на полке, а обычная человеческая жизнь, которую никак не подделаешь.

Мы должны взглянуть на эту ситуацию с точки зрения христианина той эпохи — да и современного христианина, который практикует почитание тех или иных святых. Важнейшим содержанием, сутью жития является не передача точного сухого исторического факта, а предоставление примера для подражания и обоснование культа. Всякое житие имеет смысл только в том случае, если оно дает достоверный с духовной точки зрения образец нравственной и практической жизни, который действительно может привести другого христианина к цели его существования — святости и спасению. В этом смысле жития вовсе не являются развлекательной литературой, призванной поражать воображение чудесами. Повествование и описываемые поступки должны находиться в полном согласии с учением церкви по всем затрагиваемым вопросам, именно поэтому мы в действительности можем во многом доверять житиям — их писателям приходилось быть чуть ли не более точными, чем современным историкам, учитывая

задачу, которая перед ними стояла — не вводить в заблуждение относительно веры и спасения.

Сама мать-церковь также своим авторитетом подтверждает как минимум тот факт, что официально прославляемые ею люди действительно были святыми. Во-первых, потому что почитание образов, не соответствующих жестким критериям публичной святости, может нанести вред душам. Во-вторых, потому что официальное причисление к лику святых и блаженных является безошибочным суждением церкви. Сведения о раннесредневековых святых из самых ранних мартирологов (сборников и перечней святых разных регионов) также принимаются за истину — как минимум, повторимся, в отношении того, что названные люди действительно жили, действовали и были святыми.

Народное почитание и, что самое главное, положительное влияние на духовное состояние людей само по себе также является подтверждением подлинности жития хотя бы в том, что касается духовного подвига святого и подлинности его святости. Конечно, это фактор, который важен для христианина, но может быть несущественным для исследователя.

Невозможно не заметить, что современная наука двигается ко все большему скептицизму, а порой и к «оригинальничанью» и к «безыдейности» под маской объективности.

«Оригинальничанье» и мода на развенчание мифов и идеологий приводят к тому, что авторы непременно хотят увидеть в источниках что-то совсем новое и доказать, что «все было не так». Особенно ярко эта борьба с принятым видна в том, что касается христианской истории, церкви, ее учения и ее святых. Здесь же вырастают и некоторые ложные требования «объективности» — объективным объявляется то, что разоблачает христианских проповедников и учителей, но ведь это само по себе уже является идеей, идеологией, руководящей исследователем.

Безыдейность — тщетная попытка выстраивать повествование об исторических временах вне идей, мировоззрения и оценок автора. Такая попытка видится, прежде всего, невозможной, а далее — не приближающей к объективности, так как мы, подобно и людям других эпох, не прочитываем никакого смысла в сухих фактах или датах, но в каждом из них ищем содержание, смысл, пример, подсказку, наконец, просто объяснение того, что происходит с нами — отдельными людьми и всем человечеством. Следовательно, и каждое наше высказывание и определение, каким бы объективным и четким оно нам ни казалось, содержит в себе интерпретацию и мировоззренческое содержание.

Достоверность и объективность источника не в самой большой мере зависит от того, насколько он отдален от объекта описания, что именно в наше время понятно, как никогда. Гораздо большим подтверждением достоверности является понятный нам мотив рассказчика и его честность. Мы знаем немало примеров, когда благодаря известным нам фактам или, опять же, честности автора мы видим, что современник оказывается совершенно необъективным и недостоверным, а скрупулезный исследователь, работающий на несколько веков позже, — ясным и точным. Безусловно, внутреннюю мотивацию любого автора — хоть средневекового, хоть современного — мы должны учитывать.

По меткому высказыванию профессора Г. Федотова, между историческими лицами и нами «стоит, как всегда в истории, не слишком прозрачное, или не всегда бесцветное, стекло». Нам кажется, что предвзятость к мифологической, легендарной литературе приносит вред пониманию культуры и исторических фактов. В данной книге мы передаем информацию такой, какой она предстает в преданиях, и не ставим на ней ярлык «сказки», но оговариваем, что существуют те или иные сомнения по отношению к этой информации. В большинстве случаев мы не можем ни опровергнуть, ни подтвердить их, но относимся к ним самим — таким, какие

они есть, — как к самостоятельной ценности, поскольку именно эта ценность заставила людей передавать из поколения в поколение и бережно хранить эту информацию. Поскольку многочисленные оговорки и отсылки к противоречивым фактам очень нагружают повествование, здесь при изложении биографий мы опираемся на какое-то одно жизнеописание, добавляя из других отдельные детали.

Кельтское христианство и вселенскость Церкви

В 1171–1172 годах английский король Генрих II захватил Ирландию, заручившись, как считается, согласием папы Александра III. Для Ирландии это стало трагедией и началом периода жестокого подавления местной культуры, кельтское же христианство попросту исчезло. Конечно, это отношение папы сейчас воспринимается совершенно негативно, поскольку привело к гонениям и утрате живой традиции, хотя, на самом деле, мы не знаем и не узнаем, было ли в Ирландской церкви действительно что-то, требующее жесткого «исцеления недугов». В качестве объяснения возможных причин такого решения папы мы часто встречаем отсылку к, если можно так выразиться, излишне этнически окрашенным обычаям Ирландской церкви. Однако этот национальный колорит был и остается характерен не только для христианства кельтов, поэтому аргумент представляется слабым. Остановимся на этом вопросе поподробнее.

В церкви достаточно рано стали формироваться местные церковные традиции. В каноническом праве Католической церкви они называются обрядами, которые признаны как законные формы почитания Бога в рамках католического вероисповедания². В обряд входят разнообразные традиции (особенности служения литургии и других богослужений, молитвы, язык, искусство, духовные практики, особенности церковного устройства, правовые нормы и пр.), связанные с культурой отдельного региона или ордена. Многообразие обрядов всегда было и остается богатством Церкви, воплощающим тот факт, что Евангелие обращено ко всем людям, а национальные и общинные обычаи, если они не искажены суевериями или дурными мотивами, являются ценностью и Божьим даром. Те же поместные обряды, однако, становились и камнем преткновения. Разногласия и борьба, разворачивающаяся вокруг поместных обрядов, лишней раз демонстрируют их ценность. Можно найти множество примеров тому в истории славянских стран. Недовольство работой свв. Кирилла и Мефодия по переводу богослужебных и богословских книг на славянские языки стало причиной доносов и разбирательств. Упреки

² Джероза Л. Каноническое право Католической церкви / Пер. с ит. Г. Вдовина. М.: Христианская Россия, 1996. С. 74–84.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru